

Искандер Арысов

Отрар

Искандер Арысов

Отрар

«Автор»

2026

Арысов И.

Отрар / И. Арысов — «Автор», 2026

Сын рыбака и дочери караванщика, мальчик по имени Искандер с раннего возраста видел мир не таким, как все. Звезды для него были не огнями на небе, а координатами. Реки — уравнениями. Время — геометрией. В девять лет он вычислил место для будущего Отрара. В пятнадцать стал главным «решальщиком» споров, подчиняя законы людей законам неба. Но степь не прощает тех, кто видит слишком много. Зависть, страх и клевета изгнали Искандера из города. Однако когда на горизонте поднялась пыль монгольской орды, когда стены затрещали под таранами, а вода в колодцах стала соленой, жители Отрара поняли: спасти их может только тот, кого они предали. Это роман-трагедия о знании, которое не спасает, но остается. О мальчишке, который вычислил формулу всего и потерял всё, кроме памяти звезд. О городе, ставшем пеплом, но не исчезнувшем. Сорок один градус и восемнадцать минут — координаты Отрара. Координаты человека, который родился раньше времени и умер, глядя на холодные, равнодушные, прекрасные звезды.

© Арысов И., 2026

© Автор, 2026

Искандер Арысов

Отрар

Глава первая. КООРДИНАТЫ НАЧАЛА

Отрар родился позже, чем Искандер.

Это была не поэтическая метафора и не витиеватость восточных летописцев, которые любили переворачивать время. Это был физический факт, установленный с точностью до удара сердца. Мальчик открыл глаза в кибитке на берегу Сырдарьи за тридцать семь лунных циклов до того, как первый заостренный кол вонзился в землю, обозначив угол будущей цитадели.

Вселенная не терпит таких аномалий.

Но чтобы понять это, нужно сначала понять степь.

Часть первая. Лицо земли

Степь вокруг места, где позже встанет Отрар, не была красивой в том смысле, какой вкладывают в это слово жители городов, выросших среди лесов или у подножия альпийских пиков. Ее красота была суровой, арифметичной и безжалостной — как уравнение, которое не спрашивает, нравится тебе ответ или нет.

Представьте себе плоскость, уходящую за горизонт во все четыре стороны, кроме южной, где Сырдарья делает ленивый, веками выверенный изгиб. Летом эта плоскость выгорает до цвета верблюжьей шерсти — желто-коричневой, с редкими проплешинами серой полыни и колючек, которые научились выживать там, где вода появляется только в виде утренней росы, да и то не каждое утро. Трава здесь растет не вверх, как в благословенных землях севера, а вширь — стелется по земле, цепляется за каждый комок пыли, словно боится, что ветер сорвет ее и унесет в красные пески Кызылкумов, откуда никто не возвращается.

Зимой та же самая плоскость становится белой, но это не мягкий снег русских равнин, а жесткий, как наждак, наст, который режет ноги скотине, и ветер — не ласковый, а режущий, несущий с севера такой холод, что замерзает вода в кувшинах, стоящих у самого очага. Перепады температуры между днем и ночью здесь достигают тридцати градусов — разница, которую человеческое тело помнит каждой клеткой, каждой косточкой, каждым суставом, начинающим ныть за час до заката.

Отец Искандера, Арыс, говорил, что степь — это женское лицо, которое улыбается только один день в году. Этим днем была весна — короткая, безумная, невозможная. Неделя — иногда десять дней — когда степь взрывалась цветом. Красные маки, желтые тюльпаны, синие ирисы — такое буйство красок, что глаза слепли, а воздух становился тяжелым от запаха меда и чего-то еще, древнего, дочеловеческого. В эти дни даже старики, согнутые годами, выпрямлялись и выходили из кибиток, чтобы просто стоять и дышать. В эти дни женщины рожали легче, а верблюды давали молоко, густое, как сливки, и пахнущее цветами.

Потом весна кончалась. Всегда внезапно, как обрыв сна перед рассветом. И наступало лето.

Жара в долине Сырдарьи была особой — не влажной и душной, как в Индии, а сухой, выжигающей, превращающей воздух в прозрачное, но плотное, как стекло, вещество. В полдень, если смотреть на горизонт, можно было увидеть мираж — озера, пальмы, караваны, идущие в обратную сторону. Люди, родившиеся здесь, знали, что миражам нельзя верить, но все равно смотрели. Потому что в мире, где вода тяжелее золота, обмануться — это единственная роскошь, которую может позволить себе бедняк.

Сырдарья — вот что спасало всех.

Река не была широкой здесь, в верхнем течении, где Отрар только предстояло родиться. Но она была глубокой — местами до десяти локтей — и холодной даже в самый жаркий день, потому что питалась ледниками Тянь-Шаня, горами, которых отсюда не было видно, но чье

дыхание ощущалось в каждом кувшине воды, поднятом из реки. Вкус у этой воды был острым, с каменным послевкусием, и человек, выросший на ней, мог отличить сырдарьинскую воду от воды любой другой реки мира — по тому, как она щиплет горло и оставляет на языке привкус древней геологической породы, которую точили ледники миллионы лет.

По берегам реки росли тугайные леса — непролазные заросли ив, тополей, облепихи и колючего джунгила. Это была единственная зеленая линия на десятки километров вокруг — живая, шумящая, полная жизни. В тугаях прятались кабаны, шакалы, дикие кошки и бесчисленные птицы — фазаны с огненными грудками, удоны с хохолками, соловьи, которые пели по ночам так сильно, что, казалось, сама земля вибрирует. В детстве Арыс — тогда еще мальчик из Арыса — часто спал в тугаях, под деревьями, и говорил, что это единственное место, где он слышал, как растут корни. Тихий, непрерывный скрежет, с которым старые тополя вгрызаются в землю, ища воду — и находят ее, на глубине в два человеческих роста.

Женщины Отрара знали, что тугай — это опасное место. Там можно было встретить не только зверя, но и душу умершего, которая, согласно поверьям, не уходит на небо сразу, а бродит три дня среди прибрежных зарослей, вспоминая вкус воды. Мать Искандера, Зере, не верила в эти сказки — дочь караванщика, она видела слишком много смертей на своем веку, чтобы придавать им мистический оттенок. Но она тоже старалась не заходить в тугай после заката. Не потому, что боялась. А потому, что уважала границы.

Границы были главным законом степи.

Часть вторая. Экономика пустоты

Быт жителей долины Сырдарьи определялся одним фундаментальным фактом: здесь всего было мало. Мало воды — хотя река рядом, но орошать поля можно только в определенных местах. Мало леса — несколько десятков деревьев на много километров, и каждое на счету. Мало плодородной земли — только узкие полосы вдоль реки, за которыми начинается бесплодная глина и песок.

Мало.

Это слово стояло в основе всего. Малые порции еды — потому что еда дорога. Малые семьи — потому что лишний рот может убить всех в засушливый год. Малые надежды — потому что степь не любит тех, кто ожидает многого.

Но парадокс заключался в том, что именно эта скудность рождала щедрость. Гость, пришедший в дом, получал последний кусок лепешки — потому что закон степи был жесток и прекрасен одновременно: сегодня ты накормишь чужого, завтра чужой накормит твоего сироту. Система выживания, отточенная тысячелетиями, превратилась в этикет, культуру, религию.

Вот описание одного утра в кибитке рыбака Арыса, за два года до рождения Искандера.

Рассвет. Степь серая, как нестираная кошма. Холодно — так, что пар изо рта виден, хотя до зимы еще далеко. Зере встает первой — привычка караванщицы, выработанная годами: в караване тот, кто просыпается последним, рискует остаться без воды. Она разводит очаг — саксауловые прутья, собранные за три километра от дома, там, где кончается тугай и начинается голая степь. Дыма много, тепла мало, но это все, что есть.

Арыс просыпается от запаха дыма и горького чая — чай заварен на кипятке с щепоткой соли, жира и поджаренной муки. Еда, которую можно пить. Еда, которую не надо жевать — потому что жевать нечего, все зубы целы, а есть нечего.

— Сегодня пойду к южной протоке, — говорит Арыс, натягивая штаны из грубой верблюжьей шерсти. — Там рыба есть.

— Ты так говорил вчера, — отвечает Зере, не поднимая глаз. Она месит тесто из муки, воды и соли. Мука закончится через три дня. Если Арыс не принесет рыбу, которую можно обменять на муку у хлебников из Шавильгара, они будут есть только чай и дикий лук. Дикий лук кончается через день.

— Сегодня точно есть, — Арыс смотрит на небо. Он не умеет читать звезды, как его будущий сын, но он умеет читать облака. Легкие перистые облака на востоке — к ветру. Ветер гонит рыбу к южному берегу.

Он не ошибается. Вечером он приносит трех крупных усачей — серебряных, с розовыми плавниками, пахнущих рекой и тиной. Одна рыба идет в уху (лука много, соли щепотка, воды вдоволь — уха получается жидкая, но горячая), две — на обмен.

Так живут здесь. Не богато. Не бедно. Точно впритык.

И эта впритыковость формирует характер. Она делает людей подозрительными — потому что любой лишний человек на твоей территории — это конкурент за воду, траву, рыбу. Но она же делает их невероятно щедрыми в моменты праздника — потому что праздник в степи означает, что сегодня границы размываются и можно позволить себе то, что в будни было бы безумием. Лишний кусок мяса. Лишняя лепешка. Лишняя ночь у костра, когда говорят не о деле, а о звездах.

Зере, дочь караванщика, помнила эти ночи на караванных путях — когда сто человек, говорящих на десяти языках, садились вокруг одного огня, и каждый отдавал половину своей еды в общий котел, потому что только так можно было пережить ночь в пустыне, где тьма такая плотная, что ножа не видишь перед собой. Караванная справедливость: никто не умрет с голоду, пока умирает кто-то рядом. Это не альтруизм. Это физика. Если сосед умрет, ты поведешь его верблюдов и будешь нести его груз, и в итоге устанешь больше и умрешь следующим.

Степь не оставляет места для иллюзий о солидарности. Степь просто перестраивает эгоизм так, что он становится неотличим от добродетели.

Часть третья. Арыс из Арыся

Отец Искандера родился в Арыси — маленьком городишке, настолько маленьком, что на некоторых картах его обозначали точкой без названия. Арысь стоял на слиянии двух речек, таких мелких, что летом их переходили вброд, не замочив колен. Жители Арыся были рыбаками, но не такими, как на Сырдарье. Они ловили не усача и не жереха, а мелкую, как ноготь, рыбёшку, которую сушили на солнце и растирали в порошок. Рыбный порошок добавляли в похлебку — он давал соленый, острый вкус и создавал иллюзию сытости.

Арыс с детства ненавидел этот порошок.

Он ненавидел запах сушеной рыбы, пропитавший все — одежду, постель, даже воду в колоде, потому что колодец находился рядом с местом, где вялили улов. Он ненавидел свою жизнь, но не так, как ненавидят слабые. Он ненавидел ее, как ненавидит сильный человек слишком маленькую клетку. Он хотел простора. Он хотел большой реки, глубокой, холодной, с рыбой такой крупной, что одну нельзя поднять из воды без помощи второго человека.

В шестнадцать лет он ушел.

Он ушел вниз по течению, прошел сто семьдесят километров — пешком, потому что лошади у него не было, а верблюда он боялся — и вышел к излучине Сырдарьи, где река делала петлю, замедлялась и разливалась на рукава. Здесь вода была не быстрой, как в верховьях, а спокойной, черной и глубокой. Здесь рыба водилась такая, что не снилась рыбакам Арыся.

Он остался.

Первые три года он спал на голой земле, питался сырой рыбой и пил речную воду. Он построил себе шалаш из камыша, который смыло первым же паводком. Потом — землянку на высоком берегу, которую затопило в следующем году, потому что он выбрал место, где река решила сделать новый рукав. Он учился на своих ошибках, и степь учила его терпению — тому терпению, которое не имеет ничего общего со смирением. Это было терпение охотника, который может лежать в засаде три дня, но знает, что рано или поздно добыча придет. Не потому, что боги милостивы. Потому что у добычи нет выбора.

К двадцати годам он знал реку так, как слепой знает лицо своей жены — каждую яму, каждый перекат, каждый корягу, где любит стоять крупный жерех. Его называли «Сырдарьин-

ский человек» — наполовину с уважением, наполовину с насмешкой, потому что он так и не обзавелся домом, женой, хозяйством. Он был свободен, как река, и так же не способен остановиться на одном месте.

Он встретил Зере случайно.

Это было весной — в ту короткую безумную неделю, когда степь цвела. Арыс шел в Шавильгар менять рыбу на соль, и на караванной тропе увидел девушку, которая сидела на верблюде так, как будто родилась на нем — с прямой спиной, откинутой головой и взглядом, устремленным вперед, в бесконечность. Она была дочерью старого караванщика по имени Исмаил, человека, который провел под звездами больше ночей, чем в домах, и знал каждую тропу от Ургенча до Кашгара.

— Ты кто? — спросила она, не слезая с верблюда.

— Рыбак, — ответил он.

— Рыбаков много. Ты чей?

— Свой.

Она посмотрела на него долгим, изучающим взглядом — взглядом человека, который умеет оценивать груз, расстояние и опасность. И, видимо, что-то нашла, потому что улыбнулась краешком губ и сказала:

— Мой отец ищет человека, который не боится воды. Он хочет наладить переправу у Кокбулака.

— А твоя мать что говорит?

— У матери нет мнения. Мать умерла в прошлом году в пустыне. Ее похоронили в песке, потому что не было времени копать могилу.

Так они познакомились. Так Зере научила Арыса не бояться смерти — потому что после того, как слышишь историю женщины, похороненной в песке за полчаса, потому что караван не может ждать, — ты перестаешь бояться всего остального.

Их любовь не была романтической в привычном смысле. Это была любовь двух людей, которые знали, что любая разлука может стать последней — степь не прощает ошибок, а караванные тропы полны разбойников, а река топит лучших пловцов. Они не говорили «я люблю тебя», потому что эти слова были слишком легкими для веса, который они должны были нести. Вместо этого Арыс каждое утро оставлял у дверей кибитки самую крупную рыбу из улова — на случай, если он не вернется с вечерней ловли. А Зере каждый вечер зажигала масляный светильник с тремя фитилями — один для него, один для нее, один для того, кто придет после.

Они поженились без свадьбы — просто однажды утром Арыс не ушел на ловлю, а остался, и Зере сварила ему чай, и они съели одну лепешку на двоих. В степи это называлось «переломить хлеб». Это было сильнее любой клятвы, потому что хлеб в степи — это жизнь, а делить жизнь с кем-то — значит брать на себя ответственность за его смерть.

Через год родился Искандер.

Часть четвертая. Координаты начала

Но вернемся к началу. К тому странному, невозможному факту, с которого мы начали эту главу: Отрар родился позже, чем Искандер.

Это не поэтическая метафора. Это результат наблюдений, которые мальчик вел с того самого момента, как впервые поднял голову к небу и понял, что звезды — не огни, а дыры. За этими дырами — свет, который хочет вырваться, но покрывало слишком толстое. Мы видим только то, что пробилось.

Искандер пробился раньше города. Может быть, город был нужен только для того, чтобы у мальчика появилось место, откуда можно смотреть на звезды, не боясь, что ветер унесет кибитку.

Может быть, все было наоборот.

Но об этом — в следующих главах.

А пока — пока мальчик стоял на холме, смотрел на черный камень в основании крепостной стены и видел, как сквозь время, сквозь толщину грядущих веков, сквозь пожары и нашествия, сквозь то, что будет называться историей — сам Отрар смотрел на него в ответ.

Степь молчала. Река текла. И в этом молчании и течении было все — прошлое, которое еще не случилось, и будущее, которое уже стало прошлым.

Так начиналась трагедия. Не с крика и не с крови. С улыбки города, который еще даже не родился, но уже знал, кто будет его первым и самым любимым сыном.

И кто станет его последней жертвой.

Глава вторая. ЗВЕЗДНЫЙ СУДЬЯ

Часть первая. Арифметика глины

Город, который позже назовут Отраром, строился не по законам архитектуры, а по законам выживания. Каждый кирпич был результатом сложного уравнения, в котором переменными были расстояние до воды, направление ветра, глубина промерзания почвы, угол падения солнечных лучей в день зимнего солнцестояния и — это казалось самым странным — взаимное расположение трех звезд в созвездии, которое Искандер называл «Верблюжья Связка».

Строители сначала смеялись. Потом привыкли. Потом стали проверять.

Глина для кирпичей бралась из одного места — северного берега, там, где река делала поворот и течение замедлялось, позволяя тяжелым частицам оседать на дно. Искандер определил это место в одиннадцать лет, проводя на берегу трое суток без сна. Он втыкал палки в воду и смотрел, как муть оседает на дереве. Он пробовал глину на вкус — на соленость, на кислоту, на древний, почти металлический привкус разложившихся раковин, которые миллионы лет назад были живыми существами, а теперь стали частью стены, за которой будут спать люди.

— Эта глина помнит море, — сказал он матери. — Здесь было море. Очень давно. Море ушло, но его соль осталась. Кирпичи будут крепкими, если замешивать их на воде, взятой из глубины, а не с поверхности. Поверхностная вода слишком молодая. Она не помнит тяжести.

Зере, дочь караванщика, никогда не удивлялась словам сына. Но в тот раз она перекрестила его двумя пальцами — тем древним жестом, которого уже никто не помнил, — и заплакала. Не потому, что испугалась. А потому, что поняла: ее сын разговаривает с мертвыми морями, и мертвые моря отвечают ему.

К двенадцати годам Искандер знал о степи больше, чем любой аксакал. Но знание его было странным, нечеловеческим. Он не просто знал, где искать воду в засуху — он знал, почему вода уходит. Он не просто предсказывал погоду — он чувствовал, как атмосферное давление давит на череп, и мог сказать, через сколько часов начнется ветер, с точностью до получаса.

Это не было колдовством. Это было просто сверхчувствительное восприятие физических законов, которые другие люди замечали только тогда, когда эти законы убивали их.

Степь, как уже говорилось, не прощает ошибок. Но она вознаграждает тех, кто понимает ее язык. Искандер понимал.

И это сделало его опасным.

Часть вторая. Геометрия одиночества

У Искандера не было друзей-сверстников.

Это не было результатом высокомерия или природной замкнутости. Просто в радиусе тридцати километров не было детей его возраста, способных говорить на темы, которые интересовали его. Дети рыбаков и пастухов играли в кости, гоняли тряпичные мячи, воровали дыни с соседних бахчей. Искандер в двенадцать лет решал задачи о траекториях караванов, минимизирующих время в пути с учетом кривизны земной поверхности.

Он пытался объяснить одну из таких задач сыну кожевника, мальчику по имени Жандарбек, который был всего на год старше.

— Смотри, — говорил Искандер, чертя палкой на песке. — Если караван идет из Самарканда в Ургенч, кратчайший путь — не прямая линия на карте, потому что карта плоская, а земля круглая. На самом деле нужно идти по дуге большого круга. Понимаешь? Дуга — это когда...

— Когда что? — Жандарбек чесал затылок, покрытый коротким, жестким, как щетина, волосом.

— Неважно.

Искандер стер чертеж ногой. Он понял, что объяснять бесполезно, но не потому, что Жандарбек был глуп. Жандарбек был нормальным. Нормальные люди не думают о кривизне земли, когда у них есть отец-кожевник, который научит их ремеслу, и мать, которая уже присмотрела невесту из соседнего аула. Нормальные люди живут в двухмерном мире — достаточно широком, чтобы вместить все их потребности, и достаточно узком, чтобы не сойти с ума от бесконечности.

Искандер жил в трехмерном мире, который постоянно намекал на четвертое измерение.

Время, например. Для нормальных людей время было просто последовательностью событий: утро-день-вечер, весна-лето-осень-зима, жизнь-смерть. Для Искандера время было слоистым, как глина на северном берегу. Он видел слои прошлого — старые русла рек, которых уже не существовало, тропы, по которым сто лет назад ходили караваны, имена людей, давно превратившихся в пыль, но оставивших след в форме береговой линии. И он видел слои будущего — контуры стен, которые еще не построены, лица людей, которые еще не родились, звезды, которые погаснут через тысячу лет, но их свет все еще летит к земле.

Одиночество Искандера было не эмоциональным состоянием, а геометрической неизбежностью. Он находился в точке, куда не могли дотянуться другие люди. Не потому, что они не хотели. Потому что их рычаги были слишком коротки.

С отцом у него были другие отношения.

Арыс не понимал сына. Но он не пытался понять. Это было мудрое решение. Он просто принимал Искандера как явление природы — как реку, как ветер, как внезапное наводнение, которое не спрашивает разрешения, но которое можно использовать, если знать, куда поставить сети.

— Ты сегодня будешь смотреть на звезды? — спросил Арыс однажды вечером, когда Искандеру было тринадцать.

— Да, отец.

— Найди мне ту, которая про меня.

— Что значит «про тебя»?

— Ну, есть звезда, которая родилась вместе со мной? Которая смотрит на меня, когда я сплю?

Искандер помолчал. Потом сказал:

— Нет, отец. Звезды старше тебя. Самая молодая звезда, которую я вижу, родилась, когда твой прадед был мальчиком. И она уже умерла. Мы видим ее свет, но ее самой нет.

Арыс засмеялся. Но смех его был невеселым.

— Значит, я даже звезды своей не заслужил?

— Ты заслужил реку, — сказал Искандер. — Река моложе звезд, но она помнит тебя. Каждый раз, когда ты заходишь в воду, река запоминает твой след. Он остается там навсегда — молекула соли, частичка кожи, клетка крови, если порежешься. Через тысячу лет кто-то выпьет эту воду и почувствует вкус твоей жизни. Это больше, чем звезда.

Арыс не ответил. Он просто пошел к реке и сел на берегу, глядя на черную воду, которая текла в никуда. Искандер не знал, понял ли отец то, что он сказал. Но он надеялся, что понял.

Надежда была единственным человеческим чувством, которое Искандер не мог вычислить.

Часть третья. Метод намотки

Когда Искандеру было пятнадцать, к нему пришел первый человек с просьбой, которая не касалась ни рыбы, ни погоды, ни урожая дынь.

Это был купец из Ургенча, тучный человек с рыжей бородой, которую он красил хной, чтобы скрыть седину. Его звали Асад ад-Дин, и он потерял караван.

— Не потерял, — поправил его Искандер, когда купец закончил сбивчивый рассказ. — Ты знаешь, где он. Он у южного подножия Каратау. Он не может идти дальше, потому что верблюды заболели. Ты хочешь знать, стоит ли ждать или отправлять новый караван.

Купец побледнел под слоем хны.

— Откуда ты... — начал он.

— Твой пояс, — сказал Искандер, указывая на кожаный ремень с серебряными бляхами. — Он запылен только с одной стороны. Ты ехал с севера. Ветер в это время года дует с юго-запада. Пыль на твоей одежде — красная, это глина Каратау. Ты был там не больше трех дней назад. Верблюды заболели — ты упомянул, что ищешь ветеринара. В Каратау водятся мухи, которые кусают верблюдов в нос, и от этого они перестают есть. Ты хочешь знать, умрут ли они до того, как мухи уйдут.

— Но я не говорил про мух!

— Ты не говорил. Но мухи говорят за тебя. Их цикл — четырнадцать дней. Если твои верблюды были укушены три дня назад, у тебя есть еще одиннадцать дней, чтобы довезти им свежий корм. Если ты отправишь новый караван сегодня, он успеет. Если завтра — нет.

Асад ад-Дин смотрел на мальчика так, как смотрят на колодец в пустыне, когда уже не надеялись найти воду.

— Сколько ты хочешь за совет? — спросил он.

— Нисколько. Я хочу, чтобы ты запомнил мое имя. И рассказал о нем другим купцам.

Так Искандер стал «решальщиком». Не судьей в юридическом смысле — законов он не знал и не признавал. Но он решал споры, в которых истина была скрыта не во лжи, а в сложности. Где два человека говорили правду, но правда их была разной, потому что каждый видел только часть картины.

Искандер видел всю картину. Или, по крайней мере, достаточно большую ее часть, чтобы ответ был единственно возможным.

Вот один из споров, который принес ему славу.

Два пастуха — старый Бекзат и молодой Талап — поссорились из-за границы пастбищ. Старый говорил, что граница проходит по сухому руслу, которое его отец обозначил камнями пятьдесят лет назад. Молодой говорил, что русло сместилось из-за ветра, и настоящая граница — на триста шагов восточнее, где стоят три старых саксаула.

Спор длился три дня. На четвертый день пришли к Искандеру.

Мальчик — ему было тогда четырнадцать — выслушал обоих, не перебивая. Потом закрыл глаза и просидел неподвижно ровно столько времени, сколько нужно, чтобы трижды вдохнуть и выдохнуть.

— Русло, — сказал он, не открывая глаз, — было границей. Но не потому, что его обозначил твой отец, Бекзат. А потому, что оно совпадало с направлением тени от большого камня на холме в полдень летнего солнцестояния. Твой отец не знал астрономии, но он чувствовал правильность. Он поставил камни там, где тень указывала на север.

— Камень? — переспросил Бекзат. — Какой камень?

— Тот, который свалился пять лет назад, когда твой сын играл там с ослом. Камень лежит у подножия холма, три шага к югу от того места, где он стоял. Тень от него теперь не та.

Искандер открыл глаза.

— Возьмите камень, поставьте его обратно. Не туда, где он лежит, а туда, где он стоял — ямы от основания еще видны. В полдень следующего солнцестояния тень укажет на сухое

русло. Это и будет граница. И не спорьте больше, потому что вы оба правы и оба неправы. Старые границы теряют смысл, когда меняется небо. Но небо меняется медленнее, чем земля. Вы просто не умеете ждать.

Никто не понял, что он сказал. Но все почувствовали, что это правильно. Спор был решен.

Часть четвертая. Физика зависти

Слава имеет свою физику. Она распространяется не равномерно, как свет от свечи, а странным образом — концентрируясь в одних точках и исчезая в других. Чем ближе к источнику, тем темнее может быть тень.

В Отраре, который к тому времени уже получил свое имя от Искандера, было много тех, кто благословлял мальчика. Рыбаки, которым он предсказывал клев. Пастухи, которым он указывал места с подземной водой. Купцы, которым он прокладывал пути, сокращавшие переход на недели.

Но было и много тех, кто его ненавидел.

Ненависть эта имела сложную природу. Часть ее была обычной завистью — как можно быть таким молодым и таким знающим? Часть — страхом — что будет, если он ошибется? А часть — глубинным, почти метафизическим неприятием самой идеи человека, который видит то, что не должен видеть.

Старейшина по имени Кодар, седой как лунь и злой как старая волчица, сказал однажды на совете:

— Этот мальчик — не благословение. Он — дыра в мире. Он смотрит на звезды, но звезды — это глаза Аллаха. Смотреть на глаза Аллаха — значит заставлять Аллаха смотреть на тебя в ответ. А когда Аллах смотрит на человека, человек превращается в соль. Вы все помните историю о жене Лута?

В степи любили ссылаться на священные тексты, даже не зная их точно. Искандер не спорил с Кодаром. Спорить со старейшиной, который ссылается на пророков, — значит признавать, что твои аргументы имеют вес только в рамках тех же правил. А правила были против него.

Вместо этого он просто сказал:

— Аллах создал звезды, чтобы мы их видели. Если бы он хотел скрыть их, он сделал бы небо из дерева. Или из свинца. Он не сделал. Значит, мы должны смотреть.

Кодар замолчал. Но не потому, что убедился. А потому, что понял: спорить с этим мальчиком в открытую — значит проиграть. Зависть, как вода, ищет скрытые пути.

Враги Искандера стали собираться, как тучи перед бураном. Они не были организованы — каждый действовал сам по себе, и в этом была их слабость. Но в этом была и их сила. От множества маленьких укусов можно умереть так же верно, как от одного большого.

Первый укус нанес Бейбарс — тот самый зодчий из Газны, который ненавидел мальчика с первого дня.

Он пришел к Искандеру, когда тому было шестнадцать, и сказал:

— Ты указал место для колодца у северных ворот. Я вырыл его на глубину двадцати локтей. Воды нет.

— Вода есть, — ответил Искандер, не поднимая головы от чертежа, который рисовал на куске кожи. — Ты копал не там. Ты отступил на четыре шага к востоку, потому что там земля была мягче и копать легче.

Бейбарс побледнел. Он действительно отступил. Он сделал это, чтобы сэкономить время, а потом свалить вину на мальчика, сказав, что тот ошибся. Но Искандер узнал. Как? Как он мог узнать, если не приходил на стройку больше месяца?

— Я не был на стройке, — сказал Искандер, будто прочитав его мысли. — Но я был у реки. Ты выкидывал глину в воду — я видел цвет. Глина с того места, где ты копал, имеет

зеленоватый оттенок, потому что там древнее кладбище. Ты копал сквозь кости. Кости — это кальций. Кальций окрашивает глину в зеленый. Вода не идет сквозь кости, потому что мертвые не пускают живых.

Бейбарс хотел возразить, но не смог. Он развернулся и ушел. А через три дня пришел обратно.

— Я выкопал новый колодец. На том месте, где ты сказал. Вода есть.

— Я знаю, — сказал Искандер. — Ты принес мне ведро воды, чтобы я попробовал?

Бейбарс опустил глаза. Ведро у него не было.

— В следующий раз, — сказал мальчик, — не делай мне врагов. У меня их и так достаточно. Ты не станешь сильнее от того, что я упаду. Ты просто упадешь следом. Это закон физики. Два тела, падающие рядом, не помогают друг другу лететь.

Бейбарс ничего не ответил. Но ненависть его стала только глубже.

Часть пятая. Свет, который не греет

Ночью, когда Отрар затихал и только шакалы перекликались в тугаях, Искандер выходил на холм, который позже назовут Шах-тепе, и смотрел на звезды.

Он делал это не ради красоты. В степи красота — это роскошь, которую не могут себе позволить даже богатые. Он делал это ради информации. Каждая звезда была точкой данных. Ее цвет, яркость, положение, скорость движения относительно других звезд — все это складывалось в карту, которая была одновременно картой неба и картой земли. Потому что земля повторяет небо. То, что вверху, отражается внизу. Это был не мистический принцип, а физический: гравитация, вращение планеты, наклон оси, эллиптичность орбиты — все эти параметры определяли не только положение звезд, но и течение рек, направление ветров, плодородие почв.

Искандер не знал этих слов — «гравитация», «ось», «эллиптичность». Но он чувствовал их. Его тело было сейсмографом космоса.

В одну из таких ночей, когда ему было семнадцать, к нему поднялась мать.

Зере старела. Не лицом — лицо ее оставалось жестким, обветренным, как кора старого саксаула. Старели ее движения. Она больше не могла сидеть на верблюде по десять часов подряд. Но глаза оставались молодыми — теми же, что смотрели на Арыса, когда он впервые вышел из воды с рыбой в руках.

— Ты не спишь, — сказала она, садясь рядом на холодную землю.

— Звезды говорят громко, — ответил Искандер. — Спать под их голоса — все равно, что спать на базаре.

— Что они говорят?

Искандер помолчал. Потом сказал то, чего никогда не говорил никому:

— Они говорят, что все это кончится. Город. Люди. Я. Ты. Река изменит русло. Звезды сдвинутся. И через тысячу лет никто не вспомнит, кто был Искандер.

Зере не заплакала. Она не умела плакать — пустыня выжгла из нее слезы еще в детстве, когда она хоронила мать в песке.

— А ты хочешь, чтобы помнили? — спросила она.

— Я хочу, чтобы то, что я вижу, не пропало. Если я умру, а никто не узнает того, что я знаю, это будет все равно, что бросить в воду мешок с мукой. Мука исчезнет, а вода останется. Но вода станет мутной. Я не хочу мутить воду.

— Так научи кого-нибудь.

— Некого. Я пытался. Люди не видят то, что вижу я. Они видят отдельные звезды. Я вижу систему. Это как объяснять рыбе, что такое небо. Рыба знает только воду.

Зере взяла его за руку. Рука матери была жесткой, мозолистой, с потрескавшейся кожей — руки женщины, которая слишком много держала поводья верблюда и слишком мало — кувшин с маслом.

— Тогда найди того, кто увидит, — сказала она. — Или сделай так, чтобы он родился. Ты же умеешь читать звезды. Может быть, среди них есть та, которая укажет на человека, который придет после тебя?

Искандер посмотрел на небо. На миг ему показалось, что звезды действительно сложились в ответ. Но ответ был темным. Не угрожающим — темным в смысле отсутствия информации. Как будто та часть неба, где должен был находиться ответ, была закрыта тучей. Но туч не было.

— Странно, — сказал он вслух. — Я вижу все, кроме одного.

— Чего?

— Того, что будет после меня.

Он не знал тогда, что это и есть главный признак трагедии. Герой видит все, кроме своей смерти. А когда видит — уже поздно.

Над Отраром сияли звезды. Холодные, равнодушные, прекрасные. Свет от них шел тысячи лет. Но он не грел.

Как и слава, как и знание, как и любовь, которая приходит слишком поздно или уходит слишком рано.

Степь молчала.

Но это молчание было ответом.

Глава третья. КРУГЛЫЙ ГОРИЗОНТ

Часть первая. Точка невозврата

В семнадцать лет Искандер понял, что время имеет форму.

Это не было метафорой. Это было геометрическое открытие, которое он сделал, наблюдая за тенями на стенах недостроенной цитадели. Тени двигались не просто по кругу — они двигались по спирали, каждый день смещаясь на ничтожно малую величину, слишком малую для обычного глаза. Но Искандер видел эту величину. Он видел, как время закручивается вокруг Отрара, как вода закручивается вокруг камня, создавая воронку.

Город был камнем. Все остальное — водой.

И вода приближалась.

Но сначала — сначала было лето. Самое жаркое лето в памяти жителей долины. Воздух стал плотным, как перед грозой, но грозы не было. Три месяца ни капли дождя. Сырдарья обмелела так, что в брод переходили там, где раньше плавали лодки. Рыба ушла в глубину, и даже Арыс, знавший реку как свои пальцы, возвращался с пустыми сетями.

Искандер сказал отцу:

— Вода не ушла. Она спряталась. Река помнит, что было тысячу лет назад. Тогда тоже была засуха. Река прорыла себе новое русло под старым. Если копнуть в северной протоке на глубину трех локтей, вода будет.

— Откуда ты знаешь? — спросил Арыс.

— Я видел. Во сне.

Это была ложь. Искандер никогда не видел снов — его мозг работал даже ночью, обрабатывая данные, как мельница перемалывает зерно. Но он не мог сказать отцу правду: что он вычислил расположение древнего русла, экстраполируя скорость эрозии берегов на тысячу лет назад. Отец не понял бы. Для отца слова «вычислил» и «увидел во сне» означали одно и то же — магия.

Арыс выкопал колодец в северной протоке. На глубине трех локтей действительно появилась вода — холодная, чистая, с привкусом древней глины.

— Ты колдун, — сказал отец, глядя на воду.

— Нет, — ответил Искандер. — Я просто смотрю.

Но в степи разница между «смотрю» и «колдую» была незаметна. И это различие — слишком тонкое для грубых степных умов — станет одной из петель, на которых затянется удавка.

Часть вторая. Математика толпы

К восемнадцати годам у Искандера было три группы людей.

Первая группа — сторонники. Их было большинство, но большинство в степи ничего не значит, потому что степь не демократия. Сторонники приходили к нему за советами: где копать колодец, когда сеять ячмень, как делить воду между полями. Они слушали, кивали, уходили. И делали не то, что он сказал, а то, что им казалось правильным. Потому что совет Искандера почти всегда был сложным, а люди любят простые решения.

— Ты сказал копать на глубину семь локтей, — жаловался один земледелец. — Я копнул на пять. Воды нет.

— Я сказал семь, — отвечал Искандер. — Ты копнул на пять.

— Но пять — это почти семь!

— Почти — это не значит. Три локтя — это не почти четыре. Половина лепешки — это не почти целая. Почему с водой должно быть по-другому?

Земледелец уходил обиженным. И рассказывал соседям, что Искандер — гордый и жестокий мальчишка, который не понимает простых людей. А простые люди в степи — большинство. И большинство всегда право. По крайней мере, так им кажется.

Вторая группа — завистники. Их было меньше, но они были организованнее. Они не приходили к Искандеру за советами — они приходили к его врагам. Они шептали. Они распространяли слухи. Самый страшный слух был таким:

«Искандер знает будущее, потому что продал душу шайтану. А шайтан дает знание в обмен на жизнь. Каждый раз, когда Искандер говорит, кто-то умирает. Посмотрите на его отца. Отец был здоров, а теперь кашляет кровью. Это Искандер убил его своим знанием».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.